

М. В. Воробьева

**ОБРАЗЫ КОНФОРМИСТОВ
В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1960-1980-Х ГГ.**

Всё чаще понятия «конформизм» и «культура советского общества», «советская культура» встречаются в одной смысловой связке, а определение «конформист» нередко звучит применительно к членам советского общества. Любопытно понять, во-первых, насколько оправданы эти выстраиваемые ныне смысловые связи и, во-вторых, как именно феномен конформизма и конформисты рассматривались изнутри культуры советского общества.

Прежде чем приступить к раскрытию темы статьи, необходимо дать рабочее определение конформизма. Под конформизмом мы будем подразумевать «социально-политическое и психологическое понятие, отражающее некритическое принятие и следование господствующим мнениям и стандартам, стереотипам массового сознания и т. д.» [8]. Конформистом, соответственно, будет считаться приверженец конформизма.

Тексты культуры советского общества содержат немало образов конформистов.

Во-первых, примеры этих образов в изобилии поставляют материалы культуры, выпуск и распространение которых находилось под контролем государства. Так, подобные материалы содержатся в кинематографе советского периода, чьи произведения из-за условий выпуска на «широкий экран» изначально были подцензурны, принуждены к получению идеологического одобрения власти. Чтобы проиллюстрировать данный тезис, вспомним фильмы «Лёгкая жизнь» Вениамина Дормана (1964 г.), «Единожды солгав» Владимира Бортко (1987 г.) и «Забытая мелодия для флейты» Эльдара Рязанова (1987 г.).

Во-вторых, образы конформистов имеются в произведениях неподцензурной, «самиздатской» и «тамиздатской» литературы. Нами были взяты двенадцать произведений «самиздата», из них в пяти обнаружилось образы конформистов, что составляет немного меньше половины от общего числа произведений. Материал для предметного анализа в конечном счёте дали рассказы «Искушение» Юлия Даниэля под псевдонимом Николая Аржака (1963 г.) [3], «Николай Николаевич» Юза Алешковского (1970 г.) [2], повести «Прогноз на завтра» Анатолия Гладилина (1972 г.) [6], «Палата №7» Валерия Тарсиса (1963 г.) [12] и роман «Новое назначение» Александра Бека (1960-1964 гг.) [4].

Чтобы понять, какими чертами обладали образы конформистов в текстах культуры советского общества, нами был произведён анализ образов конформистов из произведений

кино и литературы, перечисленных выше. Анализ проводился по следующим параметрам: социальная группа героя и его позиция в общественной иерархии, моральная оценка конформного поведения персонажа, демонстрируемая контекстом произведения, и, исходя из моральной оценки, типы конформистов.

Переходя к итогам детального анализа, изложим общие впечатления. В отличие от кинофильмов, где во всех трёх из рассмотренных конформисты являются главными героями, в литературных произведениях они, как правило, второстепенные и эпизодические персонажи (тем более, заметим, даже эпизодические персонажи-конформисты встретились далеко не в каждом из рассмотренных литературных произведениях). Поэтому создаётся ощущение, будто тема конформизма не была остро актуальной и злободневной для писателей, чьи произведения выходили в «самиздате». Вторая общая черта в том, что, невзирая на разницу жанров искусства и сюжетов произведений, роднят их негативное отношение и негативная подача образов конформистов, от мягко-осуждающей позиции, как в «Лёгкой жизни» Вениамина Дормана, «Прогнозе на завтра» Анатолия Гладилина [См.: 6], к более серьёзному порицанию, как у Владимира Бортко в фильме «Единожды солгав» «Забытой мелодии для флейты» Эльдара Рязанова, до жёсткого непрекаемого осуждения, как в «Искуплении» Юлия Даниэля [См.: 3] и «Палате №7» Валерия Гарсиса [См.: 12].

Социальные группы, к которым можно причислить персонажей-конформистов – это в подавляющем большинстве чиновники и разного рода интеллигенция (так называемая, если использовать понятия советского времени, творческая и техническая интеллигенция). Интеллигенты-конформисты — персонажи рассказа «Искупление» (предположительно, группа творческой интеллигенции) [См.: 3], рассказа «Николай Николаевич» и повести «Палата №7» (учёный и врачи-психиатры, представители технической интеллигенции) [См.: 2 и 12], фильма «Единожды солгав» (художник, представитель творческой интеллигенции). Чиновники-конформисты фигурируют в «Забытой мелодии для флейты» (где персонаж — заместитель вымышленного Главного управления свободного времени), «Лёгкой жизни» (герой — директор химчистки), «Новом назначении» (заведующий секретариатом главы крупного комитета) [См.: 4] и «Прогнозе на завтра» (некий крупный чиновник без обозначения конкретной должности) [См.: 6]. Конформистов-чиновников и конформистов-интеллигентов оказалось поровну.

Позиция, занимаемая персонажами-конформистами в общественной иерархии, довольно выгодна. Никто из них не принадлежит социальным «низам», они, скорее, относятся к привилегированным социальным группам. Помимо этого, большая часть персонажей выступает носителями функций власти: почти все, за исключением персонажа фильма

«Единожды солгав» и недифференцированной группы интеллигенции из рассказа «Искушение», занимают руководящие должности разного уровня.

Моральная оценка конформного поведения персонажей литературных и кинематографических произведений негативна, разнясь в градациях негативности. Градации же, видимо, продиктованы тем, насколько конформизм персонажей, проявляющийся в их поступках, вреден для окружающих. Наиболее лёгкая конформность персонажей-конформистов выражена в карьеризме, холуйстве и периодическом обмане с целью утайки своих действительных убеждений и намерений (герои «Лёгкой жизни», «Нового назначения» [См.: 4], «Прогноза на завтра» [6]). Менее безопасный для окружающих конформизм принимает форму лжи – образа жизни (герои фильмов «Единожды солгав» и «Забытой мелодии для флейты»), сопряжённой с постоянной ложью. Наконец, самый тяжёлый по последствиям конформизм связывается с предательством и причинением серьёзного вреда жизни людей (герои «Николая Николаевича», «Палаты №7» и «Искушения» [См.: 2, 12, 3]).

Выводя из моральной оценки образов типы конформиста, можно сказать, что тип конформиста варьируется в интервале от мелкого обманщика и подхалима до циничного лжеца, предателя и негодяя.

Пробуя нарисовать обобщённый портрет конформиста на основе исследованного материала, подытожим, что с большей вероятностью конформист предстаёт чиновником или интеллигентом, выполняющим функции чиновника, обладающим полномочиями власти, чаще всего карьеристом и мелким лгуном.

Итоги анализа пробуждают много вопросов, касающихся, главным образом, особенностей восприятия, оценки и подачи образов конформистов. Пытаясь понять причину единодушно отрицательного восприятия конформизма и конформистов со стороны подцензурной и неподцензурной сфер культуры советского общества, сделаем ряд предположений.

Вероятно, причина схожести мнений представителей разных сфер культуры кроется в общности исторического опыта, исторических обстоятельств, влиявших на людей, а также в единых канонах воспитания и образования, настроенных на внедрение ценностей, норм и шаблонов поведения в духе идеологии государства.

Но какие же установки относительно конформизма содержала идеология государства? Отчасти нам их раскрывают определения конформизма, даваемые советскими словарями и энциклопедиями. Согласно «Советскому энциклопедическому словарю» 1979 года, конформизм — «приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка, гос-

подствующих мнений, отсутствие собственной позиции, беспринципное и некритическое следование любому образцу, обладающему наибольшей силой давления» [11, с. 632]. Приспособленец, то есть индивид, занимающийся приспособленчеством-конформизмом, по словарю русского языка С. И. Ожегова 1978 года — это «человек, который приспособливается к обстоятельствам, маскируя свои истинные взгляды» [8, с. 550]. Прочитированные определения приписывают конформисту беспринципность, отсутствие критичности и собственного мнения, готовность менять позицию под давлением обстоятельств, скрывать собственное подлинное мнение. Чтобы понять, позитивны или негативны данные характеристики, нужно привлечь тексты, проговаривающие, какие свойства человеческой личности наиболее и наименее предпочтительны с точки зрения идеологии государственной власти. В частности, подобным текстом выступает «Моральный кодекс строителя коммунизма» из программы КПСС, принятой XXII съездом КПСС. «Моральный кодекс» декларирует, что приветствовалась непримиримость (уточняется, непримиримость «к несправедливости, туеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству», «врагам коммунизма, дела мира и свободы народов» [9, с. 120]), одобрялась нетерпимость (а именно, «к нарушениям общественных интересов», «к национальной и расовой неприязни» [9, там же]) и преданность («делу коммунизма», как сказано в «Моральном кодексе...» [9, там же]). Пробуя понять, какие же свойства личности осуждались, отталкиваясь от позитивных с позиций идеологии государственной власти свойств, можно заключить, что осуждались примиренчество, соглашательство, терпимость, беспринципность, вероломство. Выходит, определения конформизма и приспособленца, которого можно понимать как конформиста, даваемые советским словарём и энциклопедией, были выдержаны в негативных тонах и содержали негативные для подцензурной сферы культуры советского общества характеристики.

Обобщив позитивно расцениваемые идеологией государственной власти свойства, получаем социальный тип, напоминающий общественного деятеля-бойца и неконформиста. Отвечая на вопрос, отчего идеологией приветствовался и пропагандировался именно этот тип, примем во внимание мнение исследователя Светланы Адоньевой. Она, описывая официальный культ Родины-матери, отметила, что официальной мифологией не был предусмотрен вариант сценария мирной жизни для себя, во имя индивидуальных интересов и личных целей. Официальной мифологией признавался достойным и легитимным либо героический труд на благо общества, либо защита родины и героическая смерть за общество [См.: 1, с. 259 – 260]. К тому же, идеология власти зачастую рассматривала и объясняла всё происходящее максималистски и в плоскостях однозначных смыслов — друже-

ское/вражеское, с нами/против нас. Конформисты, расположенные к согласию с любой идеологией, если то соответствует их интересам, не вписывались в представления ни о друзьях, ни о врагах и потому вызывали недоверие. Максимализм и однозначность идеологических установок, внедрение системой воспитания и образования условно нонконформистской модели поведения обуславливали то, что неопределённая, зыбкая фигура конформиста-соглашателя равно не принималась подцензурной и неподцензурной сферами культуры.

Особенно показательное отношение к конформизму крайних представителей данных сфер, резко противопоставленных друг другу в плане лояльности к государственной власти.

Что касается лояльных власти, то для них преданность идее, вероятно, оказалась подменённой преданностью государственной власти (либо внешней видимостью преданности). «Колебаться вместе с линией партии», согласно расхожему выражению из советского анекдота, было нормально для лояльной власти и встроенного в социальную систему человека. «Колебаться с линией» означало постоянно приспосабливаться под меняющиеся требования власти, следовательно, быть конформистом. Не исключено, конформисты вызывали отторжение в подцензурной сфере культуры советского общества и среди лояльных государственной власти ещё и оттого что в неприкрытом виде показывали суть преданного сторонника власти. Власть видела в конформисте своеобразного alter ego своего приверженца.

Конформисты раздражали также противников власти, выращенных, воспитанных тем же государством в пределах того же общества и потому не способных радикально отличаться от лояльных власти. У Петра Вайля и Александра Гениса в книге «60-е. Мир советского человека» есть следующая характеристика диссидентства: «Диссиденты 60-х не предлагали ничего такого, что уже не было прокламировано властью. Партия призывала к искренности — они говорили правду. Газеты писали о восстановлении «норм законности» — диссиденты соблюдали законы тщательнее прокуратуры. С трибун твердили о необходимости критики — диссиденты этим и занимались. Слова «культ личности» стали бранными после хрущёвских разоблачений Сталина — для многих путь в инакомыслие начался с опасения нового культа» [5, с. 176]. Более того, эти авторы уверены, что диссиденты как социальный тип являлись закономерным продуктом советской системы образования и воспитания: «Диссиденты делали то, чему их учили в советской школе: были честными, принципиальными, бескорыстными, готовыми к взаимопомощи. Проповедь торжества духовных идеалов над материальными полнее всего реализовалась в диссидентском движе-

нии. Диссиденты были «передовым отрядом», ещё более передовым, чем партия» [5, с. 180 – 181].

Диссиденты, «большевики наоборот» по самооценке их среды [См.: 5, с. 183], отказались от лояльности по отношению к государственной власти, но не сменили ценности, мировоззренческие установки и не перестали быть советскими людьми, каким было свойственно в силу особенностей воспитания негативно оценивать конформизм.

Продолжая размышлять о причинах неприятия конформизма представителями подцензурной и неподцензурной сфер культуры советского общества, нельзя исключать, что активное неприятие конформизма в некоторой мере скрывало зазор между декларируемыми ценными качествами (принципиальность, негибкость, непримиримость) и реальным поведением людей. Советское общество — в части лояльных власти и в части нелояльных — можно назвать конформным (равно как любое иное стабильно существующее общество). Разница между диссидентами и преданными власти была в направленности конформизма: у первых конформизм проявлялся в отношении своей группы, у вторых — в отношении государственной власти. Декларируя негибкость, твёрдость, одни приспособлялись к меняющимся интересам, стратегиям поведения группы, другие подлаживались к изменениям в политике власти. Явный конформизм открыто выражал то, в чём невозможно было признаться, иначе это расходилось бы с официально одобряемыми и действительно разделяемыми ценностями, и поэтому он заслуживал всеобщее осуждение.

Наряду с вероятными причинами единодушно осуждающей оценки конформизма со стороны противодействующих друг другу группировок возникают два следующих наблюдения. Первое о том, что наиболее последовательный конформист по-советски, то есть человек, максимально полно и точно воплотивший свойства личности, декларируемые идеологией государственной власти в качестве положительных — это диссидент, либо, по меньшей мере, рискующий заслужить серьёзное недовольство власти своей гражданской позицией (вспомним сюжет из книги О. Л. Лейбовича о судьбе университетского преподавателя и геолога И. П. Шарапова, в переписке с советскими писателями горячо отстаивавшего нормы и ценности идеологии власти, непререкаемо осуждавшего любые отклонения писателей и политиков от идеологического канона — настолько непререкаемо, резко и категорично, что дошёл до политической крамолы, был арестован, осуждён, отправлен в тюрьмы и лагеря [См.: 7]).

Второе наблюдение: несмотря на воплощение провозглашаемых в качестве наиболее предпочтительных для идеологии государственной власти свойств личности, именно диссиденты — неконформисты (во всяком случае, по отношению к государственной вла-

сти) открыто осуждались и неотступно преследовались властью. Те же, кто олицетворял внешне неприемлемые черты конформиста-приспособленца, считались нормальными, всячески поощряемыми членами общества, фундаментом, на который государственная власть опиралась, проводя свою политику. Отчего же произошла подмена смыслов? Думается, вряд ли причина была столь поверхностна, что заключалась в двойных стандартах официальной идеологии и примитивном лицемерии власти, сознательно объявлявшей посредством текстов-трансляторов идеологии позитивным один социальный тип, а в действительности поощрявшей и востребовавшей противоположный.

В самом первом приближении к данной исследовательской проблеме мы выскажем соображение о важности контекста поощряемых и осуждаемых феноменов для идеологии советской государственной власти. Один феномен, помещённый в разные контексты, отмечался кардинально противоположными оценками, пусть явно этого не проговаривалось и, не исключено, не сознавалось. В случае с феноменом конформизма контекстом являлись капиталистический и социалистический государственный строй. Относительно первого, с каким надлежало вести борьбу, конформизм расценивался негативно и считался неотъемлемой частью системы воспитания и образования. Неслучайно рядом с цитируемым выше определением конформизма из «Советского энциклопедического словаря», содержащим негативную оценку феномена, соседствует такое примечание: «В современном буржуазном обществе конформизм по отношению к социальному строю и господствующим ценностям насаждается системой воспитания и идеологического воздействия» [11, с. 632]. В контексте второго конформизм, напрямую не называемый конформизмом, расценивался как необходимость. Поэтому идеологические тексты содержат косвенное оправдание и поощрение конформизма, когда речь идёт о подчинении общественному долгу под давлением господствующих мнений в рамках марксистской этики. Так, в книге 1955 года «Основы коммунистической морали» звучит следующее утверждение: «Марксистская этика <...> требует безусловного подчинения тех или иных желаний общественному долгу <...> одобряет выполнение общественного долга и тогда, когда человек выполняет долг только в силу государственной дисциплины, под давлением общественного мнения» [13, с. 160]. Советская государственная власть действительно нуждалась в типе общественного борца, обладавшего характеристиками, продекларированными «Моральным кодексом строителя коммунизма». Но не борца вообще, тем более, не борца, отстаивающего идеалы и ценности вне поля идеологии власти. Государственной власти требовался борец за идеалы, ценности и нормы её идеологии, за усиление её господства. Иначе говоря, помощник, в предельной реализации конформист, не осознаваемый конформистом. Ситуация с воспри-

ятием и оценкой конформизма и конформистов показывает внутреннее противоречие, не воспринимавшееся в пределах культуры советского общества как противоречие. Оговоримся при этом, что выводы, сделанные по поводу возможных причин восприятия, оценки и подачи конформизма и конформистов, носят предварительный характер, нуждаются в дальнейшем углублении и конкретизации.

Список литературы и источников

1. Адоньева С. Дух народа и другие духи. — СПб.: ТИД Амфора, 2009. — 287 с.
2. Алешковский Ю. Николай Николаевич [Электрон. ресурс]. — URL: <http://lib.ru/PROZA/ALESHKOWSKIJ/nikalaj.txt> (дата обращения 10.08.2013).
3. Аржак Н. Искупление // Цена метафоры или Преступление и наказание Синявского и Даниэля / Сост. Е. М. Великанова. — М.: Книга, 1989. — С. 109 – 147.
4. Бек А. А. Новое назначение [Электрон. ресурс]. — URL: <http://lib.ru/PROZA/BEK/assignm.txt> (дата обращения 10.08.2013).
5. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 368 с.
6. Гладилин А. Т. Прогноз на завтра [Электрон. ресурс]. — URL: <http://bookz.ru/authors/anatolii-gladilin/gladia01/1-gladia01.html> (дата обращения 10.08.2013).
7. Лейбович О. Л. Без черновики. Иван Прокофьевич Шарапов и его корреспонденты. 1932, 1953 – 1957 гг. — Пермь: Изд-во ПГТУ, 2009. — 167 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Изд. 12-е, стереотип. под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: «Русский язык», 1978. — 846 с.
9. Политология: Словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. — М.: Гардарики, 2001. — 328 с. [Электрон. ресурс]. — URL: <http://www.politike.ru/dictionary/286/word/konformizm> (дата обращения 10.08.2013)
10. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. — М.: 1974. — 142 с.
11. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. С. М. Ковалев. — М.: «Советская энциклопедия», 1979. — 1600 с.

12. Тарсис В. Я. Палата №7 [Электрон. ресурс]. — URL: <http://lib.rus.ec/b/229549/read#t2> (дата обращения 10.08.2013).
13. Шишкин А. Основы коммунистической морали. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — 320 с.